

добно потаенным водам, покой» и предоставляет решение самой жизни. Таким образом, финал остается открытым: «Часы пробили...»

Об этом, в сущности, и роман «Дневник войны со свиньями». По жанру — это антиутопия, которую можно вписать в ряд известных латиноамериканских «романов о диктаторах»: «Я, Верховный» Роа Бастоса, «Сеньор Президент» Мигеля Астуриаса, «Осень патриарха» Гарсия Маркеса. Но Биой Касарес пишет не о колоссе на глиняных ногах, которого народ непостижимым образом обожествляет. «Дневник...» — «будничная» история о том, как однажды в Буэнос-Айресе молодежь внезапно объявила старикам войну, которая продлилась чуть больше недели. Старики, не считающие себя старыми, пытаются понять причины происходящих событий. И приходят к здравому выводу: молодые убивают стариков потому, что те олицетворяют прошлое, потому, что они безобразны («сколько мерзости таится в немощах стариков»). Но на самом деле все наоборот: «В ходе этой войны они (молодые. — Н. М.) поняли... что каждый старик — это будущее кого-то молодого, возможно их самих!.. Убить старика — все равно что совершить самоубийство». Что в данном случае и совершается, как ни пытаются молодые остановить время, сделать обратимым процесс собственного умирания.

Человеку дается шанс признать свою слабость и несовершенство и довериться времени — главному, по сути, герою Биоя Касареса. Стоит поддаться искушению любопытства, как в будничном и объяснимом обнаруживается прореха, «щель в реальности», сквозь которую просвечивает иное, необыкновенное магическое бытие, где человек может стать счастливым. Но если из-за слабости, трусости или опрометчивости возможность упущена — обязательно приходит чья-то смерть («Теневая сторона», «Коварный снег», «Юных манит неизведанное», «Память о Паулине», «Чудеса не повторяются»). С этого момента герой только и существует в ожидании возвращения на «теневую сторону», где можно вернуть утраченное. Но суть в том, что содеянное однажды исправить уже нельзя. Квинтэссенция этого положения — стихи Агафона, процитированные в «Последней ночи Фауста»: «Не в силах сам Зевс того изменить, что было однажды». Например, в рассказе «О форме мира» герой из любопытства прошел по туннелю (своего рода «гиперпространству»), по которому за пять минут можно было попасть в Уругвай. Там он встречает женщину, но по малодушию и тщеславию не решается с ней остаться. А потому — теряет навсегда возможность вернуться к ней, «чудеса не повторяются».

У времени своя правда, не всегда постижимая человеком, ее нельзя предугадать ни в жизни, ни в литературе. Так случилось, что время выхода этой книги совпало со смертью ее автора. Адольфо Биой Касарес скончался 10 марта 1999 года, и, таким образом, его первое русское отдельное издание стало уже посмертным.

Наталья МАРШАЛКОВИЧ.

**І. ТОМАС ВЕНЦЛОВА. Свобода и правда. Сборник статей. [Перевод с разных языков]. М., Издательская группа «Прогресс», 1999, 216 стр.**

В этой книге собраны статьи литовского поэта, публициста, филолога, переводчика, члена Литовской Хельсинкской группы, борца за права человека, эмигранта «третьей волны» Томаса Венцловы. Статьи публицистические и литературно-критические, посвященные анализу поэзии Чеслава Милоша и Иосифа Бродского, переводу «Чумы» Камю на литовский язык и переводу

«Августа Четырнадцатого» Солженицына на английский язык, культурологическому разбору «Несвоевременных мыслей» Горького. И все же большая часть статей (в том числе — и перечисленных выше) так или иначе посвящена национальному вопросу, точнее — проблеме межнациональных отношений, межнационального общения, проблеме национальной идентификации, проблеме национализма нации (особенно малой нации) в период национального угнетения и на пути к национальной свободе.

Сохраняя верность избранной шкале ценностей, на которой личность, чело-

век всегда выше нации (причем Венцлова спокойно и доходчиво показывает, как это может быть обосновано и с христианской, и с либерально-гуманистической позиции), автор на редкость здраво описывает желательную модель национального поведения в самых разных условиях. Характерно, что в предлагаемой им модели оказывается совершенно неуместным (хотя для него и понятным) столь свойственное малым нациям стремление извинять и оправдывать *свой* национализм — в противоположность национализму больших наций. Главное, что хотел бы видеть в национальной личности, как и в личности человеческой, Томас Венцлова, — это спокойное и уверенное чувство собственного достоинства, неразлучное с ответственностью за свои действия и свои решения, не склонное к самооправданию, тем более — за счет других наций, несовместимое с национальными комплексами и желанием прежде всего пожалеть себя. В статье «Ответ А. Жувинтасу» он пишет:

«Видите ли, любовь к родине и своему народу бывает разной. Чаше всего люди безоговорочно хвалят и оправдывают все свое. Такая любовь понятна и бывает даже привлекательной, особенно у малых и много перенесших народов, как наш.

Однако я предпочитаю другую любовь и считаю ее более достойной. Это любовь, которая не отменяет чувство ответственности и критического отношения к себе. Если уж говорить о „своих“ и „чужих“ (с некоторой высокой точки зрения нет ни своих, ни чужих, „несть эллина, ни иудея“), то именно к своим надо предъявлять особо строгие требования.

Ответственность не обрывается, не кончается на границе своего племени — на этом зиждется европейская демократия. Но свой народ, свое племя человек ощущает как бы изнутри, как органическое целое. Мы вправе гордиться лучшими представителями нашего народа, однако недостойные дела каждого соотечественника причиняют всегда особую боль. Если француз или испанец совершили нечто замечательное — это одно, но если литовец — для меня это другое, потому что я к этому как-то слегка причастен. Если провинились еврей или англичанин, то виноваты ЭТОТ еврей и ЭТОТ англичанин, а не все евреи и англичане. Однако если провинился литовец, то в какой-то

мере и Я САМ провинился. Только так я понимаю разделение на своих и чужих. И мне кажется, что только такой взгляд может способствовать урегулированию исторических споров, „закрытию“ исторических счетов».

В сущности, то, к чему призывает (прежде всего — своих соотечественников, ибо, как видно из только что процитированного текста, Венцлова отнюдь не космополит, но очень даже националист — только совсем другого толка и разбора: однако националист может говорить о грехах и долгах своей нации как положено — с болью и любовью, принимая их на свой счет, а не трусливо отделяясь от них; с уважением к национальной личности — ибо он помнит, что грехи — не черты этой личности, а лишь ее искажения), — так вот, то, к чему призывает нации автор, — это по меньшей мере усвоить *привычки порядочного человека*. Действительно, если ты, будучи очень большим или, наоборот, совсем низкорослым, сосредоточиваешься на своей исключительной величине или малости и по причине этого комплекса ведешь себя недостойно и неадекватно, к тебе и будут относиться как к игре природы, этнографическому феномену, который лишь по недоразумению оказался в гостинной, а вообще-то его лучше показывать в специально отведенном для этого месте. Но, конечно, вслух этого не скажут. Если ты помнишь, что ты прежде всего достойный человек, тогда и другие будут не снисходить к тебе (и не трепетать перед неадекватными проявлениями твоих комплексов), но уважать твое достоинство.

«Мне кажется, — отвечает Венцлова одной своей корреспондентке, — что Ваша метафора об измученной Литве как притесняемом „карлике-горбуне“ отвечает представлениям многих наших патриотов. Это очень грустно. Жалок тот народ, который сам себя считает несчастным уродцем. По Вашим словам, этому „горбуну“ никогда не давали распрямиться его соседи; говорить в его адрес критические слова — это все равно что бить лежачего. Другими словами, он родился уродом и таким останется навечно. Жалеть его можно и даже нужно, но нельзя предъявлять ему требования, которые допустимы только в отношении нормально развитого человека. К счастью, это не так. Литов-

ский народ — не лежащий урод: слава Богу, он поднялся. Для меня он не „карлик-горбун“; он нормален и даже прекрасен, не хуже любого из своих соседей... Выпрямившемуся, нормальному, живому народу не только можно, но и должно говорить всю правду, даже если она будет не очень приятной. Если же постоянно напоминать ему только о его несчастьях, считать его бедняжкой, применять к нему заниженный тариф — ведь он такой слабенький, бедненький, вечно униженный, всеми поруганный! — то он таким и станет, униженным и поруганным. Я этого не хочу. Полагаю, что не хотите и Вы».

Говоря в одной из своих статей о том, что он прежде всего думает об ошибках и комплексах своих земляков, а о том, что происходит в этом смысле с другой стороны, пусть думает интеллигенция той стороны, Венцлова определяет идеал всяческих отношений — и национальных, и человеческих. Как человек должен помнить о своих долгах, а не о том, кто и что ему должен, так и нация должна помнить и думать о своих ошибках, о своих преступлениях — и прощать и забывать чужие, в надежде, что так же простится и ей. Но это действительно идеал, о котором, впрочем, не следует забывать. А вот *привычки порядочного человека* — спокойное и ответственное уважительное поведение (основанное хоть и не на забвении чужих грехов, но на памяти о том, что и сами не без греха, что ни одна нация в XX веке не может назвать себя невиновной), ожидающее и требующее *встречного* уважения (именно *встречного*, взаимного, а не такого, какое описано в романе Достоевского «Идиот»: «Нам все почтения отдавай, каких и не бывает-то даже, а тебя мы хуже чем последнего лакея третировать будем!»), — такие привычки очень бы не повредили, тем более что они могут спасти и личность, и нацию от большого позора — хотя и не спасут от возможного метафизического крушения.

**II. MESEMBRIA. Българо-руски сборник в чест на Сергей Аверинцев. Изданието е подготвено от Емил Димитров. София, «Славика», 1999, 482 стр.**

Mesembria. Полдень. Высшая точка восхождения и полное обладание всеми

силами. Солнце. Личность. Сборник не к юбилею, не потому, что подошла дата, пришло время. Как пишет составитель и вдохновитель этого труда Эмил Димитров: «Честь воздается *имени*, а не возрасту». А время — полдень.

В этой книге есть все: прекрасное, полезное, трогательное, назидательное, глубокое, раздражающее. Прекрасное — это стихи С. С. Аверинцева, которыми открывается сборник. Не очень уместно смотревшиеся под обложками журналов, как обломки вечности в буйном и бурном (а потому неизбежно и мутном) потоке времени, они здесь обретают свое место. Полезное — очень полезное! — это впервые составленная Э. Димитровым практически полная библиография трудов С. С. Аверинцева: научных, переводческих, поэтических, переводов его работ, состоящая из 788 позиций. Отдельные разделы со своей нумерацией: дискография; участие в обсуждениях; коллективные письма, заявления, некрологи; статьи об Аверинцеве. Полезное, трогательное, назидательное, глубокое — это и публицистические статьи ученого (в большинстве своем впервые опубликованные на русском языке), и замечательное «Слово о слове» — академическая речь Аверинцева при вручении почетной степени *doctor honoris causa* Софийского университета им. Св. Климента Охридского. Это и статьи о Сергее Сергеевиче, написанные его друзьями и старшими коллегами (как, например, опубликованный здесь отзыв Д. С. Лихачева на докторскую диссертацию Аверинцева), которым присущи, кроме перечисленных качеств, глубокий юмор и иногда являющая себя тайная нежность. Эти статьи хочется цитировать: ясную и последовательную в своем опыте понимания Ренату Гальцеву, остроумного и философичного Михаила Гаспарова — но они, к счастью, были опубликованы и в России (Гаспаров — «Новое литературное обозрение», 1997, № 27; Гальцева — «Литературная учеба», 1997, № 5-6).

Впервые опубликовано написанное специально для этого сборника эссе Александра Михайлова, сокурсника (хотя и с другого отделения) и сверстника Сергея Аверинцева, не дожившего до его шестидесятилетнего юбилея, в связи с которым и вышли статьи Гаспарова и Гальцевой. Как не поблагодарить Эмила Димитрова, еще в

1991 году, вдали от всяческих юбилеев, задумавшего свой сборник и успевшего (!) подвигнуть на этот радостный труд одного из старейших друзей Сергея Сергеевича. А для Александра Викторовича это был поистине радостный труд: он всегда именно *с радостью* говорил о Сергее Сергеевиче, с той радостью, с которой говорит любящий человек о том, кого любит, — с радостью просто от его вызванного словами присутствия.

Эта радость — уже во вторую очередь — была связана и с тем, что Аверинцев воспринимался Михайловым как человек, создающий вокруг себя (способный создавать вокруг себя, ибо носит в себе) правильно организованное пространство, с которым ничего не могут поделаться силы внешнего хаоса, внешней тьмы. Он виделся как человек, эффективно противостоящий всесокрушающей разрухе, ощущение которой ныло в Михайлове незаживающей раной, причем противостоящий легко и естественно — самым фактом своего бытия.

«Смерч этот, градоразрушительный, — пытается описать Михайлов разруху для болгарского читателя, — он произведен волей людей без места, сознанием людей, лишенных своих мест. Никто ведь в нашей стране не живет уже, и давно не живет, на своем месте. Все изгнаны, все совлечены со своих мест, кто-то соблазнен уехать со своих мест. Если же люди в случае удачи живут там, где родились, или живут там, где чувствуют себя на месте, — само их местопребывание осквернено и подвергнуто надругательству. Еще остались контуры мест; там, где они остались, они дороги сердцу русского. Остались контуры русских деревень, русских домов, — а десятки тысяч из них исчезли с лица земли и были преданы потоку и гниению. Мировая история не знала подобных масштабов глумления над человеком и над всем человеческим. У советского человека нет родины; лишь немногие могут еще отправиться туда, где они родились, а там, где они живут, они чувствуют себя случайными поселенцами. Очень трудно или совсем невозможно советскому безместному человеку, изгнаннику и беженцу, хранить в себе образ человека русского.

Сергей Сергеевич Аверинцев — из числа тех совсем немногих, кто спосо-

бен носить свое место с собой. А это значит — определять пространство вокруг себя, духовно и материально, налаживать на него печать своего миропонимания. Такого человека уже не согнать с его места, не изгнать с родины, — ее, претворенную духовно, он содержит в себе.

Когда кто-либо обладает способностью определять пространство вокруг себя, определять самый дух его, в это пространство, как бы нечаянно и случайно, втягивается много разных обстоятельств, на которые воля человека не может иметь никакого влияния. Но не в воле и не в замысле дело... Всякий раз пространство вокруг Сергея Сергеевича организуется почти в его интересах, *для* него (сколько бы неблагого и неблагоприятного ни оставалось вокруг него). Можно возразить на это, что ведь это не он сам активно организует его, — это так и не так, если только мы знаем, что ясное самому себе начало в человеке — лишь частица его существа. Активность сознающей себя воли — малая часть проходящего сквозь человека общего порыва.

В итоге же Сергей Сергеевич относится к тем не слишком многочисленным людям, которых *невозможно отнять у них самих*.

Несколько слов — с сожалением, ибо составителю хотелось бы выражать лишь любовь и благодарность, — о том, что раздражает в сборнике. Это послесловие, в котором Эмил Димитров как бы занимает позицию всеведущего автора, символически интерпретируя структуру сборника. Конечно, кому, как не составителю, знать о замысле, заложенном в расположении частей труда, но, с другой стороны, такой замысел стоило бы оставить читателю для самостоятельного истолкования. А та интерпретационная экспансия, которая имеет место в данном случае, во-первых, вносит не совсем уместный здесь игровой элемент, во-вторых, как бы делает остальных авторов сборника героями супертекста Эмила Димитрова; они на какой-то миг теряют объем, жизнь, плоть, переставляемые суперавтором как картонные фигурки в игре структурных элементов.

Но стоит только вернуться к их текстам, и все вновь становится на свои места. Ведь все они (как и главный автор и герой книги) относятся к тем лю-

дам, *которых невозможно отнять у них самих.*

Хочу закончить рецензию еще одной цитатой из текста Михайлова, в которой — и *пожелание*, может быть, самое важное пожелание С. С. Аверинцеву от уже ушедшего друга:

«Сергей Сергеевич создан своим трудом. Лишь благодаря этому очень многое давалось ему без труда...

Говоря, что Сергей Сергеевич создан своим трудом, я имею в виду далеко не только одни его ученые занятия. Не такая редкость труд целенаправленный, но несравненно бо́льшая — труд по внутреннему призванию, такой труд, который заполняет личность и не дает человеку проводить время в бездеятельности просто потому, что всякий свободный миг используется для дела, которое стало мыслью и сделалось потребностью, не только духовной, но и всего организма. Тело — это только внешнее пространство, тюрьма души. Надо ведь благоустраивать и тюрьмы, а если ты — единственный пленник своей тюрьмы и она находится в твоём распоряжении, то можно в большой мере согласовать условия ее с нуждами души и духа. Это значит стать настоящим тюремщиком в тюрьме своего духа — тогда дух зависит уже не от самой тюрьмы, но только от тюремщика, который сам же есть часть твоего существа. Можно восхищаться подвигом духа нашего Алексея Федоровича Лосе-

ва, который немного не дожил до своего девяностопятилетия, — жизнь его была непрерывным трудом мысли, он и заболел впервые серьезно лишь незадолго до своей смерти и все еще сопротивлялся как болезни, так и сильным лекарствам. Труд мысли не допускал болезни до тела, чтобы не страдал дух. Зато Алексея Федоровича мучила бессонница, которая была скорее не недугом, но таким состоянием мысли, с каким бессильна была бороться она сама, — мысль, непрестанная и нескончаемая, и служила первопричиной бессонницы, как бы вступая в противоречие с самой собой. Должен вечно бдить тюремщик хорошо устроенной тюрьмы своего тела!

В этом же смысле и здоровье Сергея Сергеевича всегда было в его руках — в ведении устраивающейся в его теле мысли. Совсем некрепкий здоровьем в детстве и юности, он победил свои недуги в годы возмужания. Я всегда радовался за него, видя, что с годами, пока другие стареют, он молодеет и в его лице проявляются черты молодости, — в сущности, пока продолжалась борьба с недугами, не в полную меру испытанной и пережитой. Человек с изумительно четкой дикцией, Сергей Сергеевич даже и ее воспитал в себе большим трудом.

Мысль держит тело в повиновении. Пусть так это и будет впредь».

Татьяна КАСАТКИНА.